

УДК 1(091)

*О. Ю. Порошенко¹, Г. С. Прохоров-Малясов²*¹ *Казанский государственный архитектурно-строительный университет
(Казань, Россия), e-mail: olgaporo@mail.ru*² *Казанский государственный архитектурно-строительный университет
(Казань, Россия), e-mail: georpromal@mail.ru*

Описательная модель региональных философий на примере исследования казанской философии XIX–XX вв.

Введение. Рассматривается описательная модель региональных философий на примере исследования казанской философии XIX – начала XX в. Особый интерес представляют проблема описания региональных философских систем, школ, сообществ, исследование их структур, «ментальностей» и фигур субъективности ученых, которая еще мало раскрыта в области внутренней регионалистики России. По мнению авторов публикации, философское «пространство» региона может быть изучено как с позиции истории, культурологии, краеведения, регионалистики, так и с позиции социологии и самой философии. **Материалы и методы.** В качестве базовой методологии был выбран социологический анализ «региональных философий» Р. Коллинза, который обладает значительным исследовательским потенциалом и может быть не просто использован в изучении национальной/региональной науки, а применен в первую очередь для описания философского сообщества, поскольку определение структуры и норм деятельности философского сообщества во многом возможно благодаря анализу влияния социальной среды на формирование философских взглядов человека и распространение философских идей в целом. **Результаты исследования.** Применение социологического подхода Р. Коллинза для разработки параметров описательной модели философской мысли Казани и анализ философских концепций региональных ученых позволил выявить «сферы влияния» и особенности социальных сетей представителей данного регионального интеллектуального сообщества, расширив тем самым «красочную палитру» для ее описания в направлении поиска самоидентичности. Разработаны параметры модели социологического описания «сетевых схем» представителей философской мысли Казани XIX–XX вв. и их философских концепций. **Обсуждение и заключение.** Стоит рассчитывать на значительное смещение исследовательского интереса в направлении перехода от личностно-биографических данных конкретного мыслителя в рамках исторической эпохи к комплексному анализу научных сообществ с учетом взаимодействия социальных, исторических, экономических, политических и региональных факторов, влияющих на формирование интеллектуально-творческой жизни научного сообщества.

Ключевые слова: история философии России, история казанской философии, казанская философская мысль, социология философий, региональная философия, научные школы философии.

Для цитирования: Порошенко О. Ю., Прохоров-Малясов Г. С. Описательная модель региональных философий на примере исследования казанской философии XIX–XX вв. // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 433–444. DOI: 10.15507/2078-9823.52.020.202004.433-444.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту «Разработка описательной модели региональных философий на примере теоретического наследия казанской философской мысли XIX–XXI вв.» (грант №18-411-160002).

© Порошенко О. Ю., Прохоров-Малясов Г. С., 2020

Olga U. Poroshenko¹, Georgy S. Prokhorov-Malyasov²

¹ *Kazan state university of architecture and engineering (Kazan, Russia),
e-mail: olgaporo@mail.ru*

² *Kazan state university of architecture and engineering (Kazan, Russia),
e-mail: georpromal@mail.ru*

Descriptive Model of Regional Philosophies on the Example of the Study of Kazan Philosophy of the XIX–XX centuries

Introduction. The article discusses a descriptive model of regional philosophies on the example of the study of Kazan philosophy of the period XIX – early XX centuries. Of particular interest is the problem of describing regional philosophical systems, schools, communities, study of their structures, “mentalities” and the figures of the subjectivity of scientists, which is still little disclosed in the field of internal regional studies in Russia. According to the authors of the publication the philosophical “space” of the region can be studied both from the perspective of history, cultural studies, regional studies, regional studies, and from the perspective of sociology and philosophy itself. **Materials and Methods.** The sociological analysis of “regional philosophies” by R. Collins, which has significant research potential and can be used not only in the study of national/regional science, but is applicable primarily to describe the philosophical community, as the definition of structure and standards of activity of the philosophical community is largely possible due to the analysis of the influence of the social environment on the formation of philosophical views of man and the dissemination of philosophical ideas in whole. **Results.** The application of the sociological approach of R. Collins to develop the parameters of the descriptive model of philosophical thought in Kazan and the analysis of philosophical concepts of regional scientists revealed the “spheres of influence” and features of social networks of representatives of this regional intellectual community, thereby expanding the “colorful palette” for its description in the direction of the search for self-identity. The parameters of the model of the sociological description of “network schemes” of representatives of philosophical thought of Kazan of the XIX–XX centuries were developed and their philosophical concepts. **Discussion and Conclusions.** It is worth counting on a significant shift in research interest in the direction of the transition from the personal biographical data of a particular thinker in the historical era to a comprehensive analysis of scientific communities, taking into account the interaction of social, historical, economic, political and regional factors that influence the formation of the intellectual and creative life of the scientific community.

Keywords: history of Russian philosophy, history of Kazan philosophy, Kazan philosophical thought, sociology of philosophies, regional philosophy, scientific schools of philosophy.

For citation: *Poroshenko O. U., Prokhorov-Malyasov G. S. Descriptive Model of Regional Philosophies on the Example of the Study of Kazan Philosophy of the XIX–XX centuries. Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2020; 20(4): 433–444 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.052.020.202004.433-444.*

Acknowledgement: This work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research for the project “Development of a Descriptive Model of Regional Philosophies as an Example of the Theoretical Heritage of Kazan Philosophical Thought of the 19th–21st Centuries”, grant No. 18-411-160002.

Введение

Проблемы описания региональных философских систем, школ, сообществ, исследование их структур, «ментальностей» и фигур субъективности ученых еще мало раскрыты в области внутренней регионалистики России. Философское «пространство»

региона может быть изучено как с позиции истории, культурологии, краеведения, регионалистики, так и с позиции социологии и самой философии.

Предметом подобного исследования могут выступать такие аспекты:

– выявление исторической преемственности научных идей и общности духовно-нравственных и социальных ценностей региональных философов конкретного исторического периода;

– региональная философская мысль как самостоятельное духовное пространство в истории европейской и российской интеллектуальной культуры;

– влияние зарубежной мысли на формирование философских концепций ученых, работающих в регионе;

– общность идей и подходов региональных философов, отличающих их от классических традиций философии;

– влияние идей региональных философов прошлого на формирование научного мировоззрения и экзистенциального выбора современных исследователей;

– современные формы передачи научного знания и формирования идентичности научного (академического) сообщества региона.

Практической значимостью изучения региональных философий является включение региональных культурных подсистем в единую культурную картину России с целью формирования единого «образа» ее исторического, этнокультурного и научного менталитета для его применения в методологии специальных наук.

Обзор литературы

На сегодняшний день традиционным решением проблемы описания региональных философских систем является разработка модели структурирования и функционирования региональных философских сообществ с помощью системного и исторического подходов в философии науки в рамках концепции «научная школа».

В истории становления и развития мировой науки понятие научной школы из-

вестно со времен Античности (милетская школа, пифагорейская школа, школа Аристотеля, школа Платона и др.). Западная модель описания, изучения и становления научной школы незначительно отличается от отечественной в силу давних научных связей и традиций и, собственно, самой интеграции науки.

Необходимо отметить, что осмысление и анализ феномена научной школы в отечественной историографии началось сравнительно недавно. Во второй половине XX столетия (конец 60-х – начало 70-х гг.) в связи с формированием в СССР нового научнo-дисциплинарного направления «науковедение» к вопросу формирования и деятельности научных сообществ, а также роли личности ученого в научном сообществе впервые в своих работах обратили внимание Г. М. Добров, С. А. Кугель, С. Р. Микулинский¹, Н. И. Родный², П. Б. Шелищ, М. Г. Ярошевский и др. Отметим, что понятие «научная школа» было впервые описано как категория науковедения, а основные ее принципы были сформулированы М. Я. Ярошевским, который, в частности, указывал, что научная школа – это, по сути, воплощение исследовательской программы в сообществе ученых, объединенных общей предметно-логической, «теоретической и методической платформой» [5, с. 86]. При этом за руководителем научной школы закрепляется важнейшая теоретико-коммуникативная роль, в соответствии с которой члены научной школы, разрабатывая принятую ими программу исследований, не только были способны общаться между собой, но и, благодаря руководителю, могли осуществлять научные контакты с представителями других научных сообществ. По мнению исследователей науковедения, в тот период научная школа и научно-тео-

¹ Микулинский С. Р. О науковедении как общей теории развития науки. – М., 1968.

² Микулинский С. Р., Родный Н. И. Наука как предмет специального исследования // Вопросы философии. – 1966. – № 5. – С. 25–38.

ретический семинар выполняли роль основных форм организации результативных контактов в научном сообществе.

На рубеже XX–XXI вв. трактовка понятия научной школы существенно трансформировалась в направлении необходимости более развернутого толкования этого феномена, предпринимались попытки исторической типологизации научных школ. Наконец, давались оценки новых коммуникативных видов между учеными, что нашло отражение в ряде исследований Э. С. Зимина, Г. Л. Ильина³, Е. З. Мирской⁴, Ю. И. Неймарка, Г. А. Унтуры и др. Часть работ была посвящена проблеме взаимодействия вузовских и академических научных школ, в частности, формированию моделей взаимодействия науки и образования посредством создания и экономической поддержки научных школ [2]. Интерес вызывали работы⁵, посвященные вопросам истории формирования и развития вузовских научных школ Москвы, Санкт-Петербурга, Казани [1], Екатеринбурга, Новосибирска, Томска и других городов.

Однако попытка выработать базовые критерии для определения научной школы не привели к существенному результату, поскольку во многом повторяли предыдущие проблемные вопросы в понимании и трактовке природы научных школ.

Понятие «научная школа» уже длительное время используется и широко распространено в научном сообществе, хотя часто в него вкладывается различный смысл. Традиционный подход к пониманию научной школы можно свести к ряду принципов, характеризующих основной вектор пони-

мания и трактовки рассматриваемого понятия:

- научная парадигма, выделяемая в качестве базисной, общность объекта исследования;
- возможность продуцирования знания, отличающего данную школу от других;
- оригинальные технологии и методы создания, применения и передачи знания;
- авторитет и известность основателя научной школы, внешний контакт и признание со стороны других научных сообществ и школ.

Научная школа, согласно традиционному подходу в философии науки, предстает как уникальное творение, коллективный результат интеллектуально-творческого развития членов научного сообщества, основой которого становятся исследовательский интерес, взаимный обмен идеями, знаниями и творческой энергией. Однако возникает ряд вопросов, в частности: можно ли то или иное научное сообщество описывать только в рамках концепции «научная школа»? Является ли эта описательная модель достаточной для раскрытия уникальных коммуникативных и социальных практик, присущих пространственно и культурно очерченному сообществу ученых?

Методы

Формулируемые вопросы актуализируются в книге Р. Коллинза «Социология философий»⁶, в которой автор предлагает применить социологический подход к исследованию региональных философий.

Социологический анализ, с точки зрения Р. Коллинза, применим не просто к исследованию национальной/региональной

³ Ильин Г. Л. От «золотого бедра» до «золотого тельца» // *Alma mater. Вестник высшей школы.* – 1998. – № 11. – С. 31–34.

⁴ Мирская Е. З. Ученый и современная наука. – Ростов н/Д., 1971; *Ее же.* Научные школы как форма организации науки. Социологический анализ проблемы // *Науковедение.* – 2002. – № 3. – С. 8–24.

⁵ Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70-е гг. XX в.). – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 92 с.

⁶ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский хронограф. – 2002. – 1282 с.

науки, а именно необходим для описания философского сообщества, так как определение структуры и норм деятельности философского сообщества возможно благодаря анализу влияния социальной среды на формирование философских взглядов человека и распространение философских идей.

Если рассматривать философию как «эпоху, схваченную мыслью», в рамках которой осмысливаются и формулируются как социальные, так и мировоззренческие концепты, тогда история философии может быть рассмотрена самими философами с помощью социологических исследований.

Согласно Н. В. Попковой [3, с. 215–223], философскую позицию мыслителя можно описать через смыслы, заложенные в философской деятельности, через понятийный аппарат, используемый мыслителем, и через набор методов и средств, выбранных им для философствования.

Выбор философской позиции мыслителя происходит в том числе в результате воздействия социальной среды и типа коммуникации, принятой в этой среде. Отдельной предметной областью в рамках социологического подхода к философии может стать проблема социального проектирования философа. Те или иные философские системы станут моделями, по которым будут выстраиваться картина взаимосвязи и взаимовлияния философов и генеалогия его философской позиции.

Кроме того, в таком подходе становится актуальной так называемая «невная» философия, заложенная в традициях, здравом смысле, стереотипах среды обитания философа. «Невная философия» с социальными аспектами повседневности мыслителя и есть те области, в которых скрыты истоки «бунтарского» потенциала и экспериментального характера концептуальной деятельности настоящего философа.

Подход Р. Коллинза представляет собой социологический реализм, в рамках которого социальная реальность располагает-

ся предельно близко к уровню индивида. По представлению Коллинза, не личность мыслителя, не его идеи определяет характер его социального взаимодействия, а сам по себе «коммуникативный акт» создает мыслителя как «узел» коммуникации. Стил мышления философа («коалиция в разуме») интериоризируется из социальной реальности и сетевой структуры эмоциональных отношений между такими, как он сам, интеллектуалами. Коллинз изучил биографии множества мировых философов и на основании этого создал около сотни «сетевых карт» – схем личных знакомств между философами и учеными. Проведенный анализ помог автору прийти к выводу, что не существует замкнутой и уникальной философской традиции, так называемого «партикуляризма».

По Коллинзу, философия является предметом социологического анализа в рамках «понимающей социологии» не столько как способ постижения истины, а как способ общения людей по поводу истины, диалога, тип коммуникации.

Предметом изучения для социологии философий являются:

- абстрактные концепции, созданные представителями единой сети интеллектуалов;
- характер «вертикальных» (учитель – ученик) и «горизонтальных» (единомышленники) интеллектуальных сетей;
- конкурентная борьба за лидерское место («центр внимания») внутри интеллектуальной сети;
- ход интеллектуального развития определенной сети интеллектуалов на протяжении истории.

Метод Р. Коллинза заключается в следующем:

- большое количество исторических источников;
- ранжирование философов согласно «доле и фокусу внимания» среди идейных

последователей на протяжении нескольких поколений;

– анализ межличностных связей и стилей коммуникаций между философами (кто учитель или ученик; кто друг, коллега или соперник, противник; характер споров и их публичность; и пр.)

Систематизация такой информации позволяет исследователю «начертить» сетевую схему. По вертикали такая схема описывает связи во времени – межпоколенческие, по горизонтали – отношения с современниками, коллегами, соперниками и др.

Кроме сугубо коммуникативных аспектов, социологический подход к истории философии позволяет дать оценку непосредственно философских идей. Здесь речь идет о том, как формируются идеи внутри интеллектуальной сети и какое влияние на их специфику оказывают «вертикальные» и «горизонтальные» координаты. При сравнительном анализе региональных философий должны учитываться и долговременность существования интеллектуальной традиции, и схождения и расхождения крупных идейных линий, и взаимовлияния больших сетей, и исследование закономерностей расцвета и стагнации, и «импорт» и «экспорт» идей.

Но Коллинз не отказывается от социокультурного и экономического фона, в рамках которых создается продукт культурного производства философа. Сети интеллектуалов должны быть проанализированы в том числе на фоне общей историко-политической ситуации.

Коллинз считает, что в рамках его подхода исследователь истории философии больше внимания должен уделять сетям и сообществам, ритуалам и доктринам группового взаимодействия, системам покровительства и политического влияния.

Социология Коллинза выступает против структурализма в трактовке научных школ. Расцвет или спад научных школ, по Коллинзу, связаны с напряжением между

конкретными, локальными и окружающими социальными связями.

Результаты

В рамках методологии Р. Коллинза были разработаны параметры модели социологического описания «сетевых схем» представителей философской мысли Казани XIX–XX вв. и их философских концепций.

1. Социокультурный контекст. Существование интеллектуальных и творческих «кружков», объединений.

В XIX – начале XX в. сообщества казанской философской мысли представляли собой такие институциональные объединения:

– Казанский университет с преподавателями кафедры философии, которые читали курсы, составлявшие тогда «университетскую философию»: логику, психологию, историю философии.

– Казанский университет с преподавателями других кафедр, естественно-научных и гуманитарных, которые читали в рамках своих специальностей философски нагруженные лекции (например, курс по философии права по кафедре энциклопедии и философии права – П. С. Сергеев, Д. И. Мейер, С. В. Пахман, Н. П. Загоскин, Г. Ф. Шершеневич). В рамках своих специальностей преподаватели знакомили студентов с новейшими философскими идеями в области истории, языка, науки, литературы, естествознания, математики. В частности, речь идет о филологе А. М. Миронове (лекции по истории античного искусства); ученике Грановского – историке С. В. Ешевском, лекции которого по истории собирали даже медиков; профессоре русской литературы Н. Н. Буниче, который начинал карьеру на кафедре философии; профессоре русской словесности К. Т. Фойгте; преподавателе греческой словесности С. П. Шестакове; профессоре классической филологии Ф. Г. Мищенко (лекции о Полибии, Аристотеле, Фукидиде); учите-

лях Н. И. Лобачевского – М. Ф. Бартельсе и Ф. К. Броннере, которые познакомили его с европейской философией; медицине, этнографе, писателе, в доме которого проходили литературно-философские собрания, К. Ф. Фуксе, влияние которого на просвещение казанского края огромно; профессоре прикладной математики блестящем лекторе П. И. Котельникове, почитателе философии Гегеля, считавшем его самым выдающимся философом того времени, создавшем вместе с профессором медицины И. Г. Линдегренем в университете гегелевский кружок; профессоре анатомии Е. Ф. Аристове, властителе студенческих дум, «философски настроенном уме», по отзывам современников; профессоре физики и математики А. В. Васильеве, авторе работ по истории математики, педагогике, философским проблемам науки, участнике международных философских конгрессов, председателе Физико-математического общества.

– Физико-математическое общество, в работе которого принимали участие и преподаватели кафедры философии, например, А. И. Смирнов, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев, зачитавший на одном из заседаний общества доклад о «воображаемой логике», в обсуждении которого, наряду с математиками, приняли участие и философы В. Н. Ивановский и А. О. Маковельский.

– Журнал «Ученые записки Казанского университета», на страницах которого впервые были опубликованы значительные работы многих профессоров и доцентов кафедры философии Казанского университета. Журнал можно рассматривать в некотором смысле как индикатор становления казанской университетской философии.

– Казанская духовная академия, преподаватели которой читали лекции и в Казанском университете по кафедре философии (В. А. Снегирев, В. И. Несмелов).

– Высшие женские курсы, на которых читали профессора Казанского университета,

в том числе с кафедры философии. Это были одногодичные курсы для подготовки учителей средних учебных заведений при Казанском учебном округе, занятия вели и преподаватели кафедры философии (психология, педагогика, история педагогики), например, И. И. Ягодинский.

– Литературно-философские собрания в доме К. Ф. Фукса и его жены, А. А. Фукс, в которых участвовали представители казанской интеллигенции (место встречи литераторов и в 30–40-е гг. XIX в., уже после смерти К. Ф. Фукса).

– Преподаватели кафедры философии В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев были активными участниками первых международных философских конгрессов, подробные отчеты о которых публиковали в российских журналах «Вопросы философии и психологии», «Журнал Министерства народного просвещения».

2. Вертикальные схемы «предшественник – последователь» (идейный и хронологический), «учитель – ученик». Хронологическая последовательность концепций и теорий.

В среде казанских философов можно говорить о линии «учитель – ученик» относительно Е. А. Боброва – А. О. Маковельского, Е. А. Боброва – И. И. Ягодинского, М. М. Троицкого – Ф. А. Зеленогорского, А. И. Смирнова, М. М. Троицкого – В. Н. Ивановского, В. А. Снегирева – В. И. Несмелова, А. Д. Гуляева – К. И. Сотонина.

– Тяга А. О. Маковельского к античной философии сложилась под сильным влиянием Е. А. Боброва и В. Н. Ивановского. Но в данном случае здесь речь идет только о толчке, побуждении к занятиям и первичном руководстве. Сторонником философской позиции Е. А. Боброва («критического индивидуализма») А. О. Маковельский не стал. Весьма опосредованное влияние на него оказала книга Е. А. Боброва «Историческое

введение в логику» (1913)⁷ – слишком многие годы их разделяют, хотя во введении к своему труду «История логики» автор упоминает названную работу учителя.

– Отношения Е. А. Боброва и И. И. Ягодинского более тесные и продолжительные: имеется свидетельство их совместной работы и в советское время в одном университете – Северо-Кавказском, ныне – Южный федеральный университет (в журнале «Известия Северо-Кавказского университета» за 1928 г. опубликованы их работы) [4, с. 82], причем ученик, И. И. Ягодинский, продолжал и там заниматься проблематикой, к которой еще в студенческие годы его привлек учитель, Е. А. Бобров, – к творчеству Лейбница. И. И. Ягодинский, будучи, вероятно, одним из лучших специалистов по философии Лейбница в стране, не стал еще одним членом «школы Г. Тейхмюллера», к которой принадлежал его учитель, Е. А. Бобров.

– На формирование философских взглядов В. Н. Ивановского (которые часто определяются как позитивизм) сильное влияние оказал М. М. Троицкий, который начинал преподавательскую деятельность в Казанском университете. Точки зрения «философии как науки», воспринятой первоначально и непосредственно у Троицкого, В. Н. Ивановский придерживался и в написанной в советское время работе «Методологическое введение в науку и философию» (1923)⁸, представляющую собой развитие его дореволюционного «Введения в философию»⁹.

– В. И. Несмелов был учеником преподававшего в Казанском университете в течение нескольких лет профессора Казанской духовной академии В. А. Снегирёва.

– А. Д. Гуляева К. И. Сотонин называл «учителем и другом». А. Д. Гуляев оказал влияние на занятия К. И. Сотонина историей философии. Он в работе о Платоне признавался, что взгляды на философию Платона слагались «в частых беседах» с А. Д. Гуляевым.

– Среди представителей татарской социально-философской мысли следует назвать Ш. Марджани, который был учителем Х. Фаизхана, в 40-х гг. XIX в. переехавшего в Санкт-Петербург. Это позволило Ш. Марджани получить доступ к восточным литературным источникам из центральных российских библиотек.

3. Горизонтальная схема «соратник – соперник». Одновременность ряда концепций и теорий. Факты личного знакомства, переписка.

В Казанском университете в первое десятилетие XX в. одновременно работали А. Д. Гуляев, В. Н. Ивановский, А. О. Маковельский, И. И. Ягодинский, К. И. Сотонин, которые, однако, пришли на кафедру в разные годы. Тогда существовало неодинаковое понимание самой философии, ее предмета. Достаточно сравнить «Введение в философию» А. О. Маковельского¹⁰, который придерживался «более широкого» «платоновского» понимания философии, и «Введение в философию», а потом и «Методологическое введение в науку и философию» В. Н. Ивановского, для которого философия – область научного знания.

Оригинально трактует философию в послереволюционных работах «Идея философской клиники»¹¹ и «НОТ как философия трудящихся масс» К. И. Сотонин¹².

⁷ Бобров Е. А. Историческое введение в логику. – Варшава, 1913. – 140 с.

⁸ Ивановский В. Н. Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. – Минск : Белтрестпечатъ, 1923. – XLII, [2], 239 с., 1 л. табл.

⁹ Ивановский В. Н. Введение в философию. – Казань, 1909. – Ч. 1. – 112 с.

¹⁰ Маковельский А. О. Введение в философию. – 2-е изд. – Казань : М. А. Голубев, 1915–1917. – Ч. 1–2.

¹¹ Сотонин К. И. Идея философской клиники. Введение в систему философии. – Казань : Гос. Изд. Тат. соц.-сов. Респ., 1922. – 52 с.

¹² Сотонин К. И. НОТ как философия трудящихся масс. – Казань : Труд, 1924. – 16 с.

Разные взгляды были и в области историко-философских воззрений. Так, Ягодинский рассматривает историю философии как «музей», «мелькание разного рода концепций», а Ивановский в «Методологическом введении...» говорит о значении Гегеля для нового понимания истории философии. Отличаются В. Н. Ивановский и И. И. Ягодинский и в социально-философских (или общественных) взглядах. Первый сочувственно относится к марксизму, идее общественных преобразований, выступает против произвола, с симпатией говорит о Марксе и Герцене. Второй считал, что учащиеся должны одинаково хорошо быть знакомы с «учением о граде Божьем», и о «значении наград и наказаний», и о философии Лейбница, имея в виду, что ее цель в конечном счете сводится к тому, чтобы «научить любви к богу и гуманности». И. И. Ягодинский не был сторонником изменения «во всей жизни человечества», в лучшем случае был согласен на реформы, «изменения в окружающем», призывал скептически относиться к созданию нового человеческого общества – «социального строя свободного труда, где никто не будет эксплуатировать другого».

Среди представителей татарской философской мысли середины XIX в. можно выделить две группы: Х. Фаизхан, Ш. Марджани, К. Насыри ратовали за контакты с русской интеллигенцией и светской наукой, а Ш. Мухаммадиев и Исмаил б. Муса, напротив, признавали необходимость ограничения мусульманских религиозных традиций и мусульманской модели образования от внешнего влияния, что впоследствии привело к идейному спору между представителями кадимизма и джадидизма.

4. Лидеры интеллектуальной мысли, оказывающие влияние на формирование социальных сетей интеллектуалов и возникающих у них концепций и теорий.

Необходимо отметить, что выдающихся социальных и ярких интеллектуальных ли-

деров среди представителей философской мысли в тот период в Казанском университете не было. Однако были «популярные» личности среди студентов и интеллигенции Казани. Например, архимандрит Гавриил (Воскресенский) как человек общительный и обладавший «легким нравом» был популярен среди студентов. Или Н. А. Иванов, который в начале профессорской деятельности был «блестящим профессором, увлекавшим студентов», по воспоминаниям Н. Н. Булич (последний выборный ректор в истории Казанского университета XIX в.).

Среди представителей татарского реформаторства и просвещения в качестве такой фигуры можно назвать Ш. Марджани.

5. Перечень концепций и теорий, используемых («импорт идей») или разработанных («экспорт идей») в казанском регионе в XIX – начале XX в. (университетская философия, богословие, татарская философская мысль и пр.).

«Импорт идей». Лейбницианство (Е. А. Бобров, И. И. Ягодинский); антикантианство (А. С. Лубкин, Е. А. Бобров); английский эмпиризм (М. М. Троицкий, В. Н. Ивановский, В. А. Снегирев); гегелианство (Н. А. Иванов, Н. Н. Булич); феноменология (А. Гуляев); реформаторство и просветительство (Х. Фаизхан, Ш. Марджани, К. Насыри).

«Экспорт идей». Общей характеристикой наиболее известных концепций казанской мысли в целом является «неклассичность» (Н. И. Лобачевский, В. И. Несмелов, Н. А. Васильев, В. Хлебников).

В рамках философии можно выделить такие идеи, как «воображаемая (неаристотелева) логика» Н. А. Васильева как предвосхищение современных неклассических логик; несмеловский вариант христианской (православной) антропологии, внесший вклад в историю православного богословия и русской религиозной философии; идея создания и спецификации истории русской

философии первой в отечественной философской литературе архимандрита Гавриила (В. Н. Воскресенского); концепция «философской клиники» как философской терапии К. И. Сотонина; философское антиковедение А. О. Маковельского, подготовившего труд «Досократики»¹³, имевшего большое культурно-научное и просветительское значение для России; разработка Е. А. Бобровым материалов по истории философии и просвещения в России.

6. Глоссарий основных терминов, используемых в казанской философской мысли того периода.

К наиболее оригинальным концептам, разработанным в Казани того периода, можно отнести: философия правды (архимандрит Гавриил); критический индивидуализм, бытие координальное (соотносительное) (Бобров); воображаемая логика (Васильев); философская клиника, запытное бытие, НОТ как философия трудящихся масс, метод элиминирования, диететика, психология недовольства (Сотонин); генетический метод в логике (Ягодинский); живая субъективность, живое мировоззрение (Несмелов); ассоциационизм (Ивановский).

7. Перечень концепций и теорий, разработанных в Казанском (Поволжском) регионе, имеющих самый длительный период актуального существования.

Это «воображаемая логика» Н. А. Васильева; критика Канта у А. С. Лубкина; идеи спецификации «истории русской философии» архимандрита Гавриила; джадидизм как общественное движение в сфере культуры и реформаторство в мусульманском просвещении Ш. Марджани и К. Насыри.

8. Концепции, которые были опосредованы политическим влиянием, и концепции, которые оказали влияние на политическую жизнь.

Идеи спецификации «истории русской философии» архимандрита Гавриила в значительной мере были навеяны не только «логикой развития философии», т. е. соображениями научными, но и «патриотическими чувствами», желанием доказать, что и мы «не лыком шиты», что и «российская земля» может рождать «собственных Платонов», т. е. вполне политическими соображениями, оказавшая также известное позитивное влияние на политическое (национальное) самосознание («гордость») «великороссов».

В татарской общественной мысли ярким примером являлось движение джадидизма как части духовной культуры татарского народа. Оно повлияло на открытие новометодных медресе в Казани, таких как «Мухаммадия», «Апанаева», «Марджани».

В первой половине XX в. влияние марксистско-ленинской философии на казанскую интеллектуальную мысль было связано как с политической ангажированностью гуманитарных кафедр и воздействием сталинского режима, так и с общей ликвидацией философских направлений, которые тогда уцелели (В. И. Несмелов – о грубых фальсификациях науки в русской богословской литературе; К. И. Сотонин – философия Сократа, музыкальная эстетика; В. А. Керенский – учение И. Эриугены о природах, учение Э. Роттердамского о свободе воли человеческой в его полемике с Лютером; А. М. Миронов – история искусств; С. П. Сингалевич – история религий).

В то время прервалась преемственность среди ученых, исчезли философские предметы, упал уровень философских исследований, не проходили защиты диссертаций, наступил кадровый голод.

Основная проблематика философии формулировалась в рамках диалектического и исторического материализма, социализма

¹³ *Маковельский А. О.* Досократики. Историко-критический обзор и перевод фрагментов, доктографического и биографического материала. – Казань : Кн. маг. Голубева, 1914–1919. – Ч. 1–3.

и коммунизма. Содержание философии как науки и мировоззрения превратилось в идеологический инструмент для пропаганды.

9. Факты взаимодействия представителей университетской философии с представителями татарской интеллектуальной мысли (участие в кружках, совместные концепции и др.).

Ш. Марджани находился в постоянном общении с русскими учеными, оказывал им содействие в сборе памятников истории и культуры татарского народа, подготовке трудов о его прошлом. Достаточно плотно общался с учеными Казанского университета, что значительно способствовало его знакомству с русской и западноевропейской культурой и литературой. Ш. Марджани был в хороших отношениях с членом-корреспондентом Академии наук профессором И. Ф. Готвальдом и академиком В. В. Радловым. И. Ф. Готвальд занимался «продвижением» Марджани среди иностранных ориенталистов или туристов, приезжающих в Казань.

Известно, что Ш. Марджани поддерживал творческие связи с первым востоковедом среди русских женщин, переводчицей произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова на турецкий язык О. С. Лебедевой. Все это способствовало в определенной мере приобщению татарского ученого к русской и европейской культуре.

Например, под влиянием В. В. Радлова он прививал дочерям любовь к музыке, а при поддержке И. Ф. Готвальда обучал их ивриту, так как был большим «охотником до изучения различных языков и письменностей». Ш. Марджани являлся постоянным участником заседаний «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. В частности, он принимал активное участие в работе IV Всероссийского съезда археологов, состоявшегося в 1877 г. в Казани, где высту-

пил со специальным докладом¹⁴ по истории Болгар и Казани. Это было первое выступление татарских ученых на всероссийском научном форуме.

Х. Фаизхан – ученик Ш. Марджани, имел контакты с преподавателями Казанского университета, в частности, А. К. Казембеком и И. Н. Березиным.

Обсуждение и заключение

Полнота «картины» философской мысли России напрямую зависит от объема и глубины исследований провинциальных «пространств» философии с учетом, с одной стороны, социально-культурных особенностей региона, с другой – особенностей местного «академического ландшафта» (философские школы и традиции; отношение к разрешенному и табуированному, социальным статусам, социальным и коммуникативным практикам и т. д.). Пример исследования казанской философии XIX–XX вв. недостаточно демонстрирует описание регионального научного сообщества через традиционное понятие «научная школа». Характеристики казанской философской мысли данного периода не отвечают в полной мере критериям такого явления, как научная школа. Однако социологический подход Р. Коллинза для разработки параметров описательной модели философской мысли Казани и анализ философских концепций региональных ученых позволил «увидеть» сферы влияния и особенности социальных сетей представителей данного регионального интеллектуального сообщества и тем самым расширить «палитру красок» для описания самоидентичности. Этот подход еще мало используется в современной отечественной науке и, конечно, требует дальнейшей методологической проработки. Заметим, что Р. Коллинз в предисловии к русскому изданию своей книги отметил, что российская философская мысль осталась «за скобками» его рассмотрения.

¹⁴ *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). – Казань : Иман. – Ч. 1. – 2005/1426. – 200 с.

Библиографический список

1. *Альтшуллер Н. С., Ларионов А. Л.* Казанская физическая школа: Выпускники КГУ тридцатых годов XX века – создатели новых научных направлений // Научный Татарстан. – Казань, 2002. – № 3/4. – С. 36–44.
2. *Мирская Е. З.* Динамика освоения современных информационно-коммуникационных технологий в российской академической науке: итоги 1995–2000 гг. // Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период. – СПб., 2004. – С. 108–122.
3. *Попкова Н. В.* «Социология философий» Р. Коллинза и необходимость «социологического взросления» философии // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 215–223.
4. *Серебряков Ф. Ф.* Философское образование и философская мысль в Казанском университете. – Казань : Казанский государственный университет, 2009. – 146 с.
5. *Ярошевский М. Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. – М., 1977. – С. 86.

References

1. *Altshuler N. S., Larionov A. L.* (2002) Kazan Physical School: Graduates of KSU of the thirties of the XX century – the creators of new scientific directions. (In Russ.).
2. *Mirskaya E. Z.* (2004) The dynamics of the development of modern information and communication technologies in Russian academic science: results of 1995–2000. (In Russ.).
3. *Popkova N. V.* (2016) “The Sociology of Philosophy” by R. Collins and the Need for a “Sociological Growth” of Philosophy. *Voprosy Filosofii* = Questions of Philosophy. 2016. 11: 215–223. (In Russ.).
4. *Serebryakov F. F.* (2009) Philosophical education and philosophical thought at Kazan University. (In Russ.).
5. *Yaroshevskij M. G.* (1977) Logic of the development of science and science school. (In Russ.).

Поступила 04.03.2020.

Сведения об авторах

Порошенко Ольга Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (Казань, Россия). Сфера научных интересов – социальная философия. Автор 35 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5948-1353>.

E-mail: olgaporo@mail.ru

Прохоров-Малысов Георгий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (Казань, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2391-7527>.

E-mail: georpromal@mail.ru

Submitted 04.03.2020.

About the authors

Olga U. Poroshenko – Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Department of History and Philosophy, Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russia). Research interests: social philosophy. The author of 35 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5948-1353>.

E-mail: olgaporo@mail.ru

Georgy S. Prokhorov-Malyasov – Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Department of History and Philosophy, Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russia). Research interests: social philosophy, anthropological and social identity of information and technical activities, human in informational environment. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2391-7527>.

E-mail: georpromal@mail.ru